

НЕ СЕГОДНЯ

Семен Грила

Не сегодня

*Те, кто живут сегодняшним днем, живут счастливо,
но, к сожалению, мы живем под их руководством.*

Арман Жан дю Плесси де Ришелье

Пользователи

Он стоял в аэропорту. Он улетал. Очень не хотел, но как бы было надо. Нет, не как бы. Действительно было надо. Подвернулся случай посетить Антарктиду. Ну он и продал свои навыки за возможность присоединиться к экспедиции.

Он умел правильно выстраивать цепочки во Всемирной паутине – в чем, как им казалось, нуждались организаторы экспедиции. Они хотели биться за климатическую повестку и придумали трансляции с ледника. Собирались демонстрировать отметки оседания льда. Чтобы впечатлить.

И Гюнтер был одним из лучших в этом деле. Не в оценках изменений ледового покрова, а в поджаривании мозгов пользователей соцсетей. Жителей Земли. Ибо все пользователи –

чего разделять. Непользователей уже просто нет. Вот тебе кажется, что не пользуешься, а это не так. Микроволновка твоя раздает вай-фай или твой ребенок пересказывает информацию, добытую в этой самой паутине интернета. В общем, любой – в Сети.

Деньги

Климат, думал Гюнтер, такой же бизнес, как и любой другой информационный. Угроза, продвижение, борьба. Текущие операторы не доживут до проверки гипотезы. И те, кто не верит, не доживут, и те, кто верит. В общем, идеальная среда для активных людей: создается новый рынок, где поначалу не тесно, а потом появляются деньги – а ты уже у окошка.

В Германии экологию любят, климат уважают, но в меру и осторожно. Но большой бизнес – это большой бизнес, и он не только в Германии, он не имеет страны, он везде. В климат пришли большие деньги.

Почему Гюнтер

Так его называли родители – они родились в казахских степях, в семьях интернированных. Потом выросли, родили его, переехали в Германию. Он, в общем, по рождению был казахом, воспитанным частично в русской среде, и теперь периодически мучился ностальгией, бродя по улочкам родного уже Нюрнберга. Детство, знаете ли.

Он всю жизнь боялся летать. Ну не всю, а когда осознал конечность своего бытия и опасности досрочного ухода.

Он хотел жить. Вернее, не так – он боялся смерти и поэтому безумно хотел жить. Вот не для чего, а просто жить.

Нанявшие его люди были из Берлина. Экологическая организация со спонсорами из Эмиратов. Такая вот теперь бескрайняя коммуникация труда и капитала. Стремительные переговоры – и вот он ждет своего рейса в Буэнос-Айрес.

Почему мы добровольно делаем это

У него когда-то был товарищ, вернее, сослуживец в широком смысле этого слова. Трудились в одной отрасли. И вот товарищ-сослуживец перед посадкой спрашивал всех: вы понимаете, что делаете это добровольно?

Они часто летали вместе в командировки, в делегациях, и Гюнтер (или Гена, как он представлялся порой в таких поездках для упрощения общения) превращался в алкоголика, стремился залить страх. Помогало, но мешало работе. С утра похмелья мучили страшно. Но чего со страху не сделаешь.

Все аэропорты казались Гюнтеру залами ожидания конца. Наверное, боялись не все, но он в это не верил. На его взгляд, страх с красивым названием аэрофобия был присущ всем. Возможно, в разной степени, но когда турбулентность, он спокойных не видел. Может, ему не попадались. Статистически такое могло быть, но вряд ли.

Он летал много, храбрецов встречал редко.

История

С тех пор утекло много воды. Иногда, считал Гюнтер, нужна святая простота. Нельзя отрываться. Нужно стараться быть вместе.

Опыт в коммуникациях показывал ему, насколько выросло непонимание. Презрение. Потому что сначала непонимание, потом недоверие, суеверие и презрение. А ты кто такой? Ну и все такое.

А примитив сближает. Он не поднимает, это давно стало понятно: подниматься тяжело, а опускаться легко. Поэтому, когда надо вместе, тогда встречаемся внизу.

А если простота не помогает, не скрепляет до конца, тогда страх. Страх. Страх не только объединяет, но и освежает. «Выжившие» молодеют. Гюнтер старался продвигать подобные иллюзии – и вот наконец Антарктика. Климат.

Двигать через страх. Его услышали и хотят поверить. Нет, проверить. Он встречался со спонсорами проекта, они хотели с ним пообщаться. Послушать его нарративы. Кивали головами. Теревили холеными пальцами седые бороды. Это он придумал – этим ребятам до седых волос было еще далеко, они еще согреться успеют от изменившегося климата или остынуть. Это как пойдет.

И вот он летит. Опять. Ужас. Но одомашненный. Поставленный на кон.

Что там над Атлантикой

В накопителе, когда все процедуры пройдены, вас обшмонали, обнюхали и просветили, сличили паспорт и билет, вы сидите и ждете погрузки в самолет. Надеетесь, что он будет не старый, вылет будет вовремя.

Это же прям счастье – приходите к своему гейту и видите: самолет ваш уже стоит у рукава. Душа приятно теплится, настроение улучшается. Казалось бы, с чего? Ведь если бы самолета не было, вам было бы спокойнее. Но нет. Пойми эту человеческую душу. Ее, вопреки всему, тянет путешествовать.

Размышления Гюнтера, созерцающего лайнеры на поле, прервала вопросом пассажирка, оказавшаяся рядом: не глядел ли он сводку погоды над океаном?

– Я лечу первый раз таким маршрутом, – говорила она, озираясь и нервно перебирая ремешок сумки: боялась шторма.

– Это же не корабль, – усмехнулся Гюнтер, рассматривая симпатичное лицо и веселую кофточку. – Мы не утонем. Впрочем, я не в курсе прогноза.

– Спасибо, – она окинула его непонимающим взглядом и отошла доносить своими вопросами появившегося сотрудника аэропорта.

Антарктида

Всегда манила Гюнтера. Он считал, что там, наверное, скрыто для него что-то. Что-то очень эмоциональное, что даст ему толчок в какую-то сторону. От себя.

Он погряз в себе. В бесконечных воспоминаниях, саморефлексиях и самоистязаниях, что, впрочем, в основном одно и то же. А Антарктида – это же айсберг. Белый, чистый, бесконечный. Белое безмолвие. Какие банальности мы еще забыли?

И Антарктида – это Титаник. Исчезнуть, воскреснуть, перелицевать суть. Вывернуть изнанку. Ему хотелось вывернуть себя. Может, ему удастся там потеряться? Остаться. Раствориться в ее тишине.

А может, там и нет покоя, вдруг испугался Гюнтер. Вдруг я все придумал? Скорее всего, так и будет. Опять навалится грусть от очередных осколков иллюзий и придется снова мучительно выбираться наверх. И свистать, свистать. Ну или как там у моряков?

Турбулентность

Самолет был не очень новым, но и не рухлядь какая-нибудь. Они летели и летели, карта показывала, что начался океан. Внизу

была вода. Свет в салоне был потушен. Почти все спали или пытались. Кое-где горели лампочки индивидуального освещения.

Гюнтер сидел у прохода. Он очень любил сидеть у прохода, это давало ощущение свободы. Он мог в любой момент встать и прогуляться по салону до туалета, не обливаясь потом и униженно бормоча извинения, заставляя незнакомых людей делать ему одолжение, вставать и пропускать его. А бывали и такие случаи, когда приходилось перелезть. Ну это вообще труба.

Вот именно за это он ценил место у прохода. Оно стоило даже того, что тебе весь полет не видать земли. Хорошо, это можно потерпеть, а вот с туалетом – вернее, без – терпеть тяжело.

Он не ел в самолете. Презирал и пищу, и все прочее. Просил сразу бутылку воды и замыкался в своем гастрономическом снобизме. За это стюардессы его очень любили. Необременительный пассажир.

Стало трясти. Тихонько. Потом посильнее. Потом слова взял командир и на стандартном английском объявил, что самолет вошел в зону турбулентности и все такое. Советовал не вставать и не ходить.

Домашний арест. Нет, самолетный. У Гюнтера в такие минуты вся жизнь проносится перед глазами. Он внушаемый. Он сразу предполагает конец.

Вот сегодня я и умру, в очередной раз подумал Гюнтер. В очередной – потому что он думал так каждый раз, попадая в болтанку. Болтанка – это его жизнь и смерть, качели любви. Он умирал и возрождался.

Пот. Он вспотел, руки стали влажными, они крепко держались за подлокотники. Рядом сопел пассажир: казалось, он умирает. Это я кончаюсь или он, подумал Гюнтер. И вслух:

– Вам плохо?

– Да, – сказал сосед, – мне всегда плохо над Атлантикой, даже когда так сильно не трясет. А сейчас трясет сильно. Мы все умрем.

– Возможно, – сказал Гюнтер и отвернулся.

Через пару минут вызвал стюардессу.

– Ему плохо, – сказал он.

– А вам? – спросила она.

– И мне.

– И мне, – сказала стюардесса. – Я первый раз над Атлантикой, но мы справимся.

– Правда? – спросил он.

– Правда, – ответила она.

Так ему говорила мама – «мы справимся», и пока так и было.

Он стал думать, зачем ему сдалась эта экспедиция, почему он занимается тем, чем занимается, если всю жизнь хотел быть музыкантом, но не умеет даже сносно играть на пианино, почему он не женился на этой дурище Жанне, которую он так любит, а она его. Почему? Почему? Почему?

Самолет затрясло сильнее.

– Сейчас мы спустимся пониже и выйдем из грозового фронта, – это опять говорил капитан бодрым голосом.

– Скорее бы, – вслух сказал Гюнтер.

– Вы думаете, это поможет? – спросил сосед.

Странно, Гюнтер уже решил, что тот давно умер.

– Вы знаете, – сказал сосед, – мне кажется, именно сегодня все и случится.

– Вам же уже так казалось, – ответил Гюнтер.

– Так и опять, – сказал сосед.

– Да идите вы в жопу, мямля, – Гюнтер вырос над собой. Может, и пронесет, подумал он униженно. Мимо озабоченно прошла стюардесса

Корабль или вертолет

Все плохо, подумал Гюнтер. Надо не думать про прошлое, его же уже нет, и оно никогда не повторится. Надо жить – и всё, и будь как будет.

Антарктика: через неделю отходит их корабль или вертолет, он подзабыл план. Они договорились все обсудить в Буэнос-Айресе. На вертолете Гюнтера страшно укачивает, впрочем, на корабле тоже. Что-то с мозжечком или с чем-то еще. Мозолистое тело. Он не знаток строения мозга, поэтому голова у него всегда кружится.

Тряхнуло последний раз – и все стихло, лишь мерное журчание двигателей.

Всё, мы, наверное, уже в раю, подумал сосед Гюнтера. Вернее, это он сам про него, да и про себя, так подумал.

Командир опять заговорил. Мы идем на посадку, погода, все дела, сколько градусов в аэропорту. В салоне зажегся свет, все зашумели, загудели и гудели до самой посадки. Бегали по проходам, переодевались, доставая с полок сумки, громко разговаривали, и никому это не мешало, даже Гюнтеру.

Сосед, как потом оказалось, был сотрудником экспедиции, в которую ехал Гюнтер, и они крепко дружили. У них была тайна

И снова здравствуйте

Не сегодня, подумал Гюнтер, подходя к стойке паспортного контроля. Офицер улыбался ему.

Он вышел из терминала. Приятная влажная аура теплого утра поглотила его. Краски завораживали. Он любил новые краски. В смысле те, которые раньше не видел. После пережитого полета все воспринималось острее.

Метцингер был прав – в том смысле, что кто знает, что такое сознание, но осознание можно повесить и наслаждаться чувствами. Воздух, звуки, краски.

Буэнос диас.